

ИСТОРИЯ ПОКОЛЕНИЙ И ПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

.....

Т. Шанин*

Любимой метафорой советских философов в вопросах, связанных с теорией познания, было ее определение как теории «отражения». Эта метафора зеркала вводит в заблуждение. Если уж употреблять метафоры в разговоре о том, как мы видим (познаем) действительность, то в данном случае следовало бы говорить о «линзах», через которые мы видим эту действительность. Между действительностью и нашим познанием стоят понятия, модели, мифы и интуиции. Чтобы понять, что мы видим и почему мы это видим так, а не иначе, надо постичь понятийную структуру, в рамках которой мы работаем, т. е. «линзы», сквозь которые мы видим действительность, и их влияние на то, что нам представляется.

Все это справедливо и по отношению к истории как академической дисциплине. Приведу простой пример. Чаще всего мы строим учебники, деля историю по столетиям. Это — учебник истории XVI и XVII вв., а вот это — учебник истории XVIII в. Такая «нарезка» влияет на характер того, что мы видим. Когда мы нарезаем историю по векам, мы подчеркиваем определенные связи, но в то же время ставим часть их вне фокуса избранной «линзы». Мы определяем наше видение истории не только увиденным и услышанным, но и способом «нарезки» действительности, которую мы предложили. Некоторые историки, понимая эту проблему, пытались вырваться из-под влияния этого предопределения и часто получали интересные результаты. Скажем, в работах по истории науки говорилось о «длинном XVI веке»**, так как если выделять бескомпромиссно хронологический XVI в., теряется понимание многих причинно-следственных связей. Расширить рамки — это увидеть более богатую и точную кар-

* Шанин Теодор — PhD, профессор, ректор Московской высшей школы социальных и экономических наук. Электронная почта: shanin@msses.ru

** «Длинный XVI век», согласно Ф. Броделю, длился с середины XV до середины XVII столетия [1]. (Здесь и далее прим. ред.)

тину. Или возьмем другой пример: Эрик Хобсбаум говорит о «коротком XX веке», который начинается Первой мировой войной и заканчивается распадом Советского Союза [12]. Если по-новому выделить объект анализа, получим новый образ происходящего.

История не является просто потоком фактов или их обобщением. То, как мы ее видим, определяется также инструментами мышления, которые мы употребляем при ее изучении.

В России на протяжении последних десяти лет шел спор между сторонниками классового и цивилизационного анализа истории. Напомню другой вариант исторического анализа. Этот вариант связан с поколениями. Начну известным сказанием, в котором отражено именно поколенческое видение истории. Откройте Библию. Ее историческая модель — это «такой-то породил такого...» и т. д. Стержнем памяти и понимания исторического процесса является здесь цепь поколений. И сегодня многие кочевники расскажут без труда прошлое как длинную цепь имен предков (как реальных, так и легендарных). В исторических описаниях прошлого и легендах разных народов то же самое: от поколения к поколению, от короля к королю, от отца к сыну и так далее.

Первый шаг к современной историографии связан с именем Ибн Хальдуна, арабского философа, который предложил циклическую модель исторического процесса. В ходе повторяющихся циклов кочевые племена завоевывают оседлые богатые районы, расслабленные собственным богатством. Победители создают новые государства. Происходит процесс их обогащения, расслабления и дегенерации. Далее появляются новые «дикие», «неразвращенные» племена, и приходят к власти новые династии. Это — циклическая историография, построенная на обязательном чередовании племен и завоеваний, в которую вплетены династии и их поколения.

Теория истории, ориентированная на поколения, расцвела в XIX в. В основном это развитие шло двумя путями: количественным и качественным*. (Можно выделить еще и антропологический подход, который, строго говоря, не входит в историографическую схему. Этот подход отличается вопросами, которые ставятся во главу угла. Классическим его выражением являлась книга Ш. Айзенштадта «Из поколения в поколение» [17]. Книга ставит проблему типичных возрастных систем социальной организации и их развития, то есть изменений в типичных критериях ролевого разделения обществ и его связи с возрастными группами. Айзенштадт дает ответы на вопросы о развитии форм социализации в рамках функционализма, как ведущей школы социологии времен ее расцвета в 1950-х, но напрямую не рассматривает исторические проблемы.)

Первый путь, начало которого связано с родоначальником позитивизма Огюстом Контом, был сфокусирован на количественных параметрах. Это

* Позитивистский и историко-романтический подходы у К. Мангейма, см. [6, с. 7–15]

была попытка понять историческую действительность как движение шагами, натурально определенными как 15, 25 или 30 лет, объяснить, почему интервалы должны быть именно такой длины. (Например, 30 лет для типичной семьи — интервал от женитьбы родителей до совершеннолетия/женитьбы детей.) Иногда добавляется анализ, почему определенное количество поколений меняет также характер общества в целом.

Альтернативную традицию (не сугубо количественного и посему качественного) анализа заложили немецкие философы истории, такие как Вильгельм Дильтей [16], но ее прямым проводником и принятой точкой отсчета в англосаксонской литературе стал Карл Мангейм. Поколение определяется им как слой людей, сходство которых в большой мере обусловлено сходством жизненного опыта. Люди одного поколения, конечно, схожи не во всем, но в достаточной мере, чтобы разумно группировать их по тому опыту, который влияет на личный характер и понимание действительности. Человеческое сознание пластично. Внешние условия влияют на взгляды, тенденции мышления, ценности. Этот «дух поколения» кристаллизуется в период особенно высокой пластичности сознания, т. е. в возрасте 15–25 лет. Мартин Хайдеггер когда-то сказал, что эти рамки можно определить одним словом: судьба [11, с. 384]. Судьба людей в конкретный период определяет их понимание действительности и их общие характеристики как группы.

При таком подходе один из способов понять, как и куда движется история, — это установить и правильно вычленив главные события, которые сформировали мышление слоя людей, играющего ныне решающую роль. Поэтому можно говорить о поколении определенной войны, поколении определенного кризиса и т. д., если данные события обусловили их видение и мышление. Этот способ позволяет выяснить, как меняются люди и почему существуют различия между людьми, родившимися в разные периоды через общность условий, определяющих дух поколения. Схожий дух поколения может формировать поколенческие единства. Их выделение и объяснение причин также является обязательной частью поколенческого анализа К. Мангейма, схожего с марксовым различием «класса в себе» и «класса для себя» (т. е., поколение, которое осознало себя) [6, с. 16–18].

На иных философских основаниях, но к сходным результатам пришли испанские экзистенциалисты, из которых самым известным был Хосе Ортега-и-Гассет. Он исходил из принципиального индивидуализма базовых понятий, подчеркивающего, что самое важное в человеке — его способность к *конструированию*: то, что он создает себя сам и создает этим социальную действительность. При этом важны поколенческие структуры, где общепринятые традиции определенных поколений выступают как главная сила, ограничивающая человеческий выбор. Жизнь — это сцена театра со сценарием, созданным самими людьми. Поколение — важнейший элемент общественного деления.

В течение последних десятилетий проводились крупные эмпирические исследования коллективной памяти, в которых пытались верифицировать некоторые допущения «качественных» школ поколенческой историографии. Ученые, в первую очередь американские, пытались определить, как долго коллективная память удерживает исторические события и люди думают категориями, связанными с ними. Эти работы показали, что субъекты, имеющие сходную историю жизни, действительно склонны воспринимать действительность в сходных категориях и что эта склонность связана не только с другими общими характеристиками, например, с принадлежностью к социальному классу, цивилизации и т.д.). Базовая общность жизненного опыта в определенный период, помноженная на его драматичность, создает близость понимания, близость мышления, статистическую общность.

Один из лучших примеров — ряд исследований, посвященных коллективной памяти в СССР в период от «Великой Чистки» до «Гласности». Работа Г. Шумана и Э. Корнинг, в которой переплелись результаты исследований социологов и социальных психологов, выявила возможность критического возраста для особого влияния коллективных драм жизни и добавочного влияния таких характеристик, как образование, пол и проживание в городской или сельской местности. Особое внимание было уделено влиянию кубинского кризиса, кампании по освоению целины, ежовщине, XX съезду КПСС, так называемому делу врачей и Пражской весне [22].

Одна из особенностей России состоит в том, что российская интеллигенция видит действительность сквозь призму литературы. С XIX в. очень многое из того, что в англосаксонских странах выражалось языком социальных наук, в России озвучивалось ее беллетристкой. Не случайно многие поколенческие модели, понятия и стереотипы были представлены именно русской литературой и литературоведением. А.С. Пушкин говорил о «птенцах гнезда Петрова» как о «поколенческом единстве», который прошел практику жизни и выучку, связанную с периодом власти Петра. Это наложило отпечаток на то, как они действовали, развивались и думали. В «Войне и мире» Болконский — генерал екатерининской эпохи, персонаж, вобравший в себя черты элиты определенной эпохи. Ю. Лотман писал о том, что «в конце XVIII века в России сложилось новое поколение людей... мы отчетливо можем различить несколько поколений, своеобразную лестницу человеческих типов» (и далее, спецификация типовых особенностей людей последней трети XVIII и начала XIX в.) [4, с. 254].

Еще пример: тургеневское видение циклической смены донкихотов и гамлетов [9]. Определенные русские поколения он относит к гамлетам. Они активны в мыслях, но не в действиях. А есть другие, в которых все наоборот. В этом смысле декабристы, конечно, антигамлеты, то есть донкихоты по существу их личных качеств, причина чего коренится в возбуждении и шоке от войн 1812–15 гг. и Парижа тех дней.

Среди фундаментальных исторических вопросов, которые ставит современная поколенческая история, следует поставить вопрос о широте охвата: охватывает ли качественный поколенческий анализ только элиты общества и, игнорируя всех остальных, экстраполирует ли он бездоказательно результаты изучения элит на все остальные слои общества.

Качественный анализ поколенческой истории развивался под несомненным влиянием изучения социальных элит. К. Мангейм подчеркивал, что многое в его работах по этой теме опирается на искусствоведческие теории В. Пиндера [20; 21], влияние которых, несомненно, ограничивалось образованными слоями общества. Но работы Мангейма и Ортеги не ограничивались анализом элит, доказательством чему могут служить книга «Восстание масс» [7] и статья Мангейма об истоках движения правых в Германии [5].

В истории и сознании России огромную роль играли войны. Поколение 1812 г., поколение 1941–1945 гг., поколение «афганцев» как понятия очень широко употребляются в русской речи и закрепляются не только в речи и сознании небольших групп, но и широких масс населения. В работе о крестьянстве другой эпохи [14] мною было показано, насколько революция 1905–1907 гг. определила то, что произошло в 1917–1919 гг. Крестьянские дети 1905–1907 гг., которые пережили карательные экспедиции, прошедшие железным катком через бунтующие русские села, к 1914–1919 гг. стали солдатами. Именно из-за исторической памяти поколения крестьян провалились попытки создать массовую Белую армию из офицеров 1905–1907 гг., ставших генералами, что и кончилось победой Красной армии. Национальные меньшинства демонстрировали сходную причинность. Картина революционной борьбы показывала большой вклад поляков, грузин, евреев в дело красных. Это те, кто в 1905–1907 гг. прошли через особо жестокую школу карательных действий и погромов, результаты чего и проявились в кристаллизованном виде в 1917–1920 гг. Достаточно наложить карту крестьянской борьбы 1905–1907 гг. на карту Гражданской войны, чтобы поколенческая причинность проявилась со всей очевидностью.

Одним из важных является вопрос о том, почему поколенческое понимание истории так часто проявляется в повседневной речи россиян, а ученые все же употребляют эти понятия куда меньше или не употребляют совсем. Думаю, что проблема поколений как части аналитического аппарата в том, что эта форма исторической науки имеет свою историю. Есть периоды, когда важность поколенческого разделения общества резко увеличивается. Так, во время кризисов вопрос о разнице между поколениями становится центральным. А есть периоды, когда это становится менее важным. Ученые предпочитают четко определенные рамки и не очень-то любят фактуру, которую нелегко определить, потому что она изменчива.

И наконец, для тех, кто осознал или осознает важность поколенческого фактора в историческом анализе, каковы первые шаги к ответу на возможные вопросы «что это значит?» и «что с этим делать?». Думаю, что надо начать с

включения в аналитические соображения того, что на Западе определяется как теория «overdetermination» (сверхдетерминации). В центре этого стоит мысль, что мир плюралистичен, и поэтому невозможно отразить его в сугубо монистических моделях. То, что происходит, есть результат многообразия причинно-следственных связей, которые переплетены друг с другом. При этом, переплетение причин А и причин Б дает в результате не просто А + Б, но также определенную дельту.

Поколенческая история не дает исчерпывающих объяснений. Смотреть на мир исключительно через поколенческую «линзу» принципиально ошибочно. Но без поколенческой истории, учета особого влияния поколений и влияния поколенчества на наше понимание истории и на историю, нельзя понять многое из происходящего. Поэтому, думаю, что ответ на вопрос, «что делать с поколенческой историей», — признать ее и изучать ее, имея в виду, что она не является и не может являться единственным и окончательным объяснением, монокаузальной историей. Надо создавать понимание исторических процессов, исходя из плюрализма реальной действительности с взаимовлиянием причинностей как важнейшей сквозной темой будущего дисциплины.

Вопрос: Господин профессор, у меня вопрос междисциплинарного свойства. Лет тридцать-сорок назад, когда в оборот были введены методы имитационного моделирования для войны, торговли, транспорта, технологических процессов и так далее, различали два принципиальных метода моделирования. Дельта t — по столетиям, по тридцатилетиям, по поколениям, по наносекундам, если речь идет о технологиях. И альтернативный метод — по особым состояниям. Исследователь говорил: «Зачем мне брать эту дельту t в пятнадцать лет или в секунду — давайте искать особые состояния». Несколько состояний может прийтись даже на одно поколение, если речь идет о революционных эпохах. Могут быть и очень спокойные эпохи, когда одно особое состояние приходится на три-четыре поколения. Следовательно, поколенческий подход не очень сильно отличается от простого членения по столетиям: XV век, XVI век. И метод особых состояний кажется интереснее. Хотелось бы, чтобы Вы как-то прокомментировали все это. Спасибо.

Т.Ш.: Нет сомнения, что поколенческая история, как я ее понимаю, тесно связана с особыми состояниями, как Вы об этом говорили. Без этого нельзя понять ее, потому что эти особые состояния структурируют мышление, воспитывают поколения, формируют типичные реакции на общественные стимулы.

Здесь следует принять, что у истории есть своя история. Нам кажется, что периоды затишья, когда история идет ровно, сменяются периодами бурь, когда история ускоряется. Поэтому необходимо выделять два уровня: уровень фактов и уровень нашего понимания процессов. Думаю, то, что Вы сказали, подчеркивает необходимость добавить «историю истории», для того чтобы работать с этими материалами.

Вопрос: Хотелось бы задать два вопроса. Первый — несколько абстрактный. Если мы будем писать историю как историю поколений, не получится ли, что мы напишем дискретную историю, в то время как на самом деле история непрерывна?

И второй вопрос, по поводу Вашего примера относительно 1905 и 1907 гг. В 1905 г. было две или даже больше моделей участия в этих событиях. Одни были подавляемы, другие сами подавляли — у всех были дети, только в 1905 г. результат был один, а в 1917-м он оказался другим. Почему же с точки зрения поколенческой теории те, кто выиграл в 1905 г., проиграл в 1917-м?

Т.Ш.: Начну со второго вопроса. Думаю, что здесь сказалось влияние сразу нескольких факторов. Одним из них было серьезное ослабление в ходе проигрываемой войны государственной машины царской власти. И важнейшим элементом была «глубина» этого движения. События 1917–1922 гг. повлияли сильнее и на большее количество людей, чем революция 1905–1907 гг.

Кроме того, там стоял не только поколенческий вопрос, но и множество других. Об одном я уже сказал: под вопросом оказалась сила государственной власти и ее способность сдерживать или сломать революционное движение. И к тому же у населения России оказалось много оружия, особенно у крестьян. Это создало иную ситуацию в происходившем противоборстве.

Относительно дискретности истории думаю, мы не сможем создать реалистической истории, если не примем того, что история и дискретна и недискретна. Поколенческий анализ дает нам возможность присмотреться к дискретному аспекту истории, возможность сделать шаг вперед. Но это не все, потому что поколенческая история не только дискретна.

Я приведу пример. Десяток лет назад я вел какие-то переговоры в Алма-Ате. И вдруг все прервалось, жизнь прекратилась, потому что начался пленум Национально-Демократической Партии. В том же здании Центрального комитета КПСС, те же люди на тех же длинных черных машинах съехались на пленум. Два дня не с кем было говорить: все были на пленуме, и я пошел гулять. Прогуливаясь по городу, я зашел в магазин и купил две книги. Первая оказалась воспоминаниями последнего командира Дроздовской дивизии Белой армии. Вторая была по истории Гражданской войны, написанная человеком, который служил в штабе Тухачевского. Меня потрясло то, насколько одинаковым языком говорили их авторы. Это был один и тот же язык, одно и то же мышление, одни и те же чувства. Прочитав вам белого генерала:

«Курсантов вывели во двор, их было человек тридцать. Они поняли, что это конец. Побледили, прижались друг к другу. Один выступил вперед, взял под козырек, рука слегка дрожит:

— Нас вывели на расстрел, ваше превосходительство?

— Да.

— Разрешите нам спеть «Интернационал»...

Я пристально посмотрел в эти серые русские глаза. Курсанту лет двад-

цать, смелое, худое лицо. Кто он? Кто был его отец? Как успели так растравить его молодую душу, что Бога, Россию — все заменил для него этот “Интернационал”? Он смотрит на меня. Свой, русский, московская курноса, Ванька или Федька, но какой зияющий провал — крови, интернационала, пролетариата, советской власти — между нами.

— Пойте, — сказал я. — В последний раз. Отпевайте себя «Интернационалом».

Выступил другой, лицо в веснушках, удалой парнишка, оскалены ровные белые зубы, щека исцарапана в кровь. Отдал мне честь:

— Ваше превосходительство, разрешите перед смертью покурить, хотя бы затяжку.

— Курите. Нам бы не дали, попадись мы вам в руки...

Они затягивались торопливыми, глубокими затяжками.

Быстро побросали окурки, как-то подтянулись, откуда-то из их глубины поднялся точно один глухой голос, воющий “Интернационал”. От их предсмертного пения, в один голос, тусклого, у меня мурашки прошли по корням волос.

— С интернационалом воспрянет...

“Род людской” потонул в мгновенно грянувшем залпе.*

Те, кто видел фильм «Мы из Кронштадта», вспомнят ту же картину, но наоборот. Это — то же самое поколение, которое видит в противниках свою противоположность, но зеркально схожее с ним.

Вопрос: Заранее прошу прощения за то, что это будет вопрос профана, поскольку я не знакома с поколенческой теорией. Сейчас мы говорим о России, о ее уже достаточно давней истории, рассматриваем поколенческую историю применительно к нашей стране. Но в свете глобализации, расширения потоков информации есть ли смысл рассматривать в поколенческом аспекте мировую историю? Можно ли говорить о мировом поколении, которое создано из-за потрясений, имевших мощный резонанс по всему миру: 11 сентября 2001 г., распад Советского Союза? Применима ли эта теория для всего мира?

Т.Ш.: Думаю, что для этого весь мир должен стать одинаковым. А он неодинаков. Каждый, кто хоть немножко ездит по этому миру и не ограничивается внешним впечатлением, видит, что он не одинаков. Статистика подтверждает, что, несмотря на беспрестанные разговоры о глобализации, разница между сообществами остается глубокой, а часто и углубляется. Особенно глубока разница между тем, что в свое время называли третьим миром, и тем, что именовали капиталистическими индустриальными обществами. Даже линия разделения не меняется, потому что практически ни одно общество за время жизни последних двух поколений не перешло из одного мира в другой [26]. Поэтому я думаю, что говорить о глобальном поколении рано, хотя определен-

* Текст приведен по [10, с. 222–223].

ные глобальные элементы, несомненно, будут действовать, и их надо изучать. Скажем, телевизор создает, во всяком случае, видимость единства поколения. Насколько это единство станет реальным, определят будущие поколения.

На данный момент, как мне кажется, ясно, что поколенческой истории всего мира создать нельзя. Хотя попытки сделать это на очень абстрактном уровне предпринимались.

Вопрос: Границы очерчиваются нациями?

Т.Ш.: Не только нациями. Нации — это несомненно так, а особенно, нациями в смысле государственных систем, определяющими себя как этнические системы. На первый взгляд, Европейское сообщество сегодня действует как единое целое, но стоит приехать из Франции в Англию, как становится очевидно, что это единое целое не является вполне единым целым и очень нескоро будет им. Оно еще достаточно долго не сможет сформировать общую культуру единого поколения. А поколение будущего воспитывается теперь.

Вопрос: Если можно, два взаимосвязанных вопроса. Второй будет зависеть от того, как Вы ответите на первый. Скажите, пожалуйста, за что нужно уважать старших и нужно ли?

Т.Ш.: Я не скажу, за что надо, потому что я не моралист. Но я могу сказать, почему уважали старших. Как социолог я изучал, почему так есть или было, а не почему так надо. Так было, потому что старики часто несли в себе элементы знания, которое нельзя было передать другим образом. На определенном этапе развития человечества они из-за этого играли очень важную роль. Этот этап начал подходить к концу сто лет тому назад, а в некоторых регионах продолжается и теперь. Добавлю, что контроль над имуществом играл здесь также важную роль; пока человек жил, он часто контролировал свое имущество. Хоть это и не всегда так: например, в русском крестьянстве XIX в. контроль над землей и положение большака двора (т. е. самоличного главы хозяйства) исчезали, когда человек не мог более работать. Власть и статус переходили к старшему сыну, даже если бывший хозяин был жив. Центральным мне кажется вопрос о том, что несет в себе старое поколение с точки зрения знания и возможности контролировать ресурсы.

Вопрос: И вторая часть вопроса. Вы частично уже на нее ответили, так что я сделаю ее более конкретной. Как Вам нравится такая максима (вообще-то конфуцианская, но она есть в разных культурах), что стариков надо уважать, для того чтобы было уважение, первичное уважение? И не кажется ли Вам, что поколенческая история начинается тогда, когда забывают о первичности уважения к старшим? И считаете ли Вы, что в традиционном обществе в принципе нет конфликта поколений и что поколенческая история начинается тогда, когда начинаются конфликты между поколениями? А они начинаются, когда есть ориентация не на прошлое и не на уважение к старикам, а на некий идеал будущего. Соответственно, прогрессизм и определяет начало поколенческой истории.

Т.Ш.: Интересный вопрос. И на него частично дали ответ ученые, занимавшиеся поколенческим анализом. Однако он далеко не полный. Для тех, кто интересуется, как с этим пытались справиться социологи, предлагаю книгу Ш. Айзенштадта «Из поколения в поколение». Он исходил не из уважения к старикам, а из функционалистской точки зрения. При этом старику и для не-старику отводилось социально определенное место. Это был удел стабильного общества. Оно должно было быть также цикличным в жизненных ритмах, поскольку цикличность — залог стабильности. Ш. Айзенштадт считал, что с началом современного общества старая система распадается. Это довольно близко к тому, что Вы сказали, но не в плане этики и этических понятий, а больше с точки зрения социологических определений функционирования различных обществ.

Вопрос: Господин профессор, если мы будем методологически последовательны, то поколенческий подход с неизбежностью приведет к тому, что раньше называлось ролью личности в истории, к ее влиянию на определенные процессы. С неизбежностью мы выходим на понимание природно-заданных факторов, которые несет в себе личность и которые определяют те или иные исторические события. Школа поколенческого подхода вывела ряд исследователей к астрологической школе в истории. В последние десять лет шла разработка этого направления. У нас оно представлено работой Морозова «Ритмы истории» и работами Григория Кваши. Кстати, один из прогнозов Кваши сбылся в начале этого года. Согласно его прогнозу, основанному именно на этой методике, Масхадов должен был быть уничтожен в этом году. Это сбилось. Каково, на Ваш взгляд, соотношение поколенческого подхода с подходом астрологическим в процессе исторического освещения события?

Т.Ш.: Прежде чем ответить, должен сказать, что сегодня, конечно, не смогу дать ответы на все вопросы, которые хотелось бы задать присутствующим (у меня самого много вопросов к самому себе). Хочу сообщить, что в течение года в Московской высшей школе социальных и экономических наук шел семинар по вопросам поколенческой истории, в котором принимали участие такие ученые, как Ю. Левада, Б. Дубин и др. — дюжина коллег. Материалы этого семинара составили книгу, которая пошла в печать несколько дней тому назад [8]. Я надеюсь, что там найдется хотя бы часть ответов на некоторые вопросы. Тематика не очень хорошо известна в России, поэтому надо положить книжку на стол и начать разговор вокруг нее.

Второе, астрология. Я не принимаю астрологию как достаточно доказанную. Это не заявление, которое закрывает возможности астрологического мышления как такового. Но этого достаточно, чтобы для себя закрыть данное направление. Если бы оказалось, что астрология работает, то поколенческий вопрос обязательно выплыл бы и там.

Вопрос: Господин профессор, Вы изложили некий методический подход к пониманию истории. Он интересен, но поскольку я еще не знакома с трудами

в этой области, у меня один вопрос. Что этот подход позволяет понять или увидеть в истории такого, чего не дают другие подходы? Если это новый метод, если он дает новую информацию, новое понимание бытия, в чем его новизна, которая не достигается другими методами?

Т.Ш.: Начну с того, что это не новый метод. Я с самого начала пытался показать обратное. Метод изложения, который использовался в Библии, не может считаться новым. В современных науках он также не нов, но мало известен в России. Я выбрал эту тему потому что, на мой взгляд, одна из важнейших задач нашего университета, моя лично, моих друзей, — принести в Россию некоторые понятия, которые не попали сюда из-за того, что происходило в 1920–1980-е гг.

Работы К. Мангейма и Х. Ортеги были в центре внимания европейцев в 1940–1950-е гг. Они сыграли большую роль в спорах о нашем понимании истории. Одни соглашались, другие не соглашались, третьи соглашались частично. Но, во всяком случае, это инструмент или набор инструментов, которые вы найдете в Западной Европе, и это – часть того, как мы думаем. Это не обязательно надо принимать.

Что нового это дает? Опять, не всегда новое. Есть те, кто еще помнит статью Ленина «Памяти Герцена». Он пишет о том, как Герцен «разбудил» народолюбцев, а народолюбцы «разбудили» русских марксистов*. Здесь мы имеем дело с попыткой Ленина понять поколенческую цепочку развития политического мышления.

В поколенческом мышлении также отражено чувство идейных циклов, т.е., мысль о том, что в российской элите были периоды гамлетов и периоды донкихотов, что в развитии культурной истории кроме линейных тенденций существуют также и выраженные циклические этапы. И это важно, потому что тогда по-другому видишь действительность. Если принять этот взгляд, то можно лучше понять причинность и прогнозировать определенные тенденции в будущем.

Если взять период начала XX в., то с учетом дистанции между 1905–1907 гг. и 1918 г., и с учетом того, кем было поколение солдат Гражданской войны, становится ясно, почему произошел поворот к революционному мышлению и почему, когда Белая армия пошла в 1919 г. с юга на Москву, это кончилось ее разгромом. По описанию А. Деникина, чем дальше они продвигались, тем больше разрасталось за их спиной крестьянское восстание, тем больше приходилось выделять войск на его подавление**. Поколение крестьян, которое получило

* «Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили... революционеры-разночинцы...» [3, с. 261].

** «Действия повстанческих отрядов вносили подчас весьма серьезные осложнения в стратегию всех борющихся сторон, ослабляя попеременно то одну, то другую, внося хаос в тылу и отвлекая войска с фронта. Объективно повстанчество являлось фактором положительным для нас на территории, занятой врагом, и тотчас же становилось ярко отрицательным, когда территория попадала в наши руки» [2, с. 95].

в 1905–1907 гг. урок классовой ненависти, боролось с Белой армией, где полковниками и генералами были лейтенанты карательных отрядов 1905–1907 гг. Когда смотришь на это таким образом, то причинность Гражданской войны и победы в ней красных становится яснее. А без этого трудно объяснить. Остаются моральное превосходство пролетариата или гений Л. Троцкого, или законы обязательного прогресса.

Вопрос: Не кажется ли Вам некорректным говорить о поколении в единственном числе, даже если речь идет о группе людей одного возраста, проживающих в один исторический период? Не хотелось бы придирааться к словам, но все же я приведу пример. Вы упомянули поколение «афганцев». Да, есть такая четкая группа. Она сформировалась на фоне определенных событий, войны в Афганистане, последующего положения этих людей. Эта группа прослеживается в политике и экономике на протяжении десятилетий. Можно это назвать поколением. Можно ли назвать поколением тех людей, которые жили в той же стране, в тех же городах, учились в тех же школах, а потом становились хиппи, принимали другую модель поведения, что мы сейчас и прослеживаем? Тот же период: в тех же самых школах учились будущие комсомольские работники, которые формировали свою культуру, и у них были свои события. Шагнем на десять лет вперед — реформы 1990-х гг. Казалось бы, реформы, рынок, формируется поколение. Вам не кажется, что в то же самое время формировалось и другое поколение — поколение информационных технологий, — но на фоне другого события: доступности компьютера и Интернета? И у людей был выбор: быть тем поколением или иным поколением. И если мы так начнем дробить одну группу людей одного возраста в одной стране, то у нас получится, что вообще нет поколения, а есть определенная социокультурная группа, которая в силу определенных исторических событий оказалась или очень широкой, как во время Второй мировой войны в России и Европе, поуже, как в США, и еще уже, как в Бразилии. Не кажется ли Вам, что обобщение можно сделать и по-другому?

Т.Ш.: В своем изложении я слишком мало сказал о взглядах К. Мангейма, классика поколенческого мышления. Он говорил о двух вещах: о «духе поколения», который обнимает практически всех, кто прошел через одни и те же события, и о поколенческих единствах. На базе той же группы в тот же период развиваются разные поколенческие единства, которые ставят себе разные задачи и часто борются между собой. Этому аспекту Мангейм посвятил специальную работу, где показано, что в одних и те же условиях в одном поколении возникло, с одной стороны, красные, а с другой — нацистское движение [5].

Совершенно ясно, что нельзя просто сказать: «Все они родились в 1922-м, и поэтому мы ожидаем, что все они будут действовать примерно одинаково». Нет, они не действуют одинаково. Но есть сходства, которые мы аналитически можем выделить. Я говорил о таком сходстве, когда сравнивал командира Дроздовской дивизии Белой армии с командирами красных. Это были, если хотите, два разных поколенческих единства.

Мы опять возвращаемся к проблеме плюрализма как элемента видения истории. То, что есть разные группы в определенном поколении, не значит, что существование поколения не влияет на всех и не определяет в немалой мере их действия. Их надо делить на поколенческие единства.

В Вашем вопросе я вижу ответ, почему тем, кто занимается поколенческим анализом, приходится много работать. Нужно выделить разные группы, определить их сходства и различия, выявить конфликтные точки, а также точки единого видения мира. В каждой группе людей, которые живут в определенный период, существуют также возрастные подгруппы и т.д.

Есть еще одна проблема, которую я не затрагивал, потому что это было бы слишком много для получасового выступления. В фокусе поколенческого анализа стоит не группа людей, живущих в одно время, а то, что социологи часто называют когортой — это люди, которые родились в тот же период, потом прошли через среднюю школу в тот же период и т.д. Этот анализ видит в когорте важнейший элемент для понимания того, что происходит с поколениями.

Вопрос: Что знает среднестатистический россиянин по-немецки, если он его не учил? Он знает «Гитлер капут!», «Хенде хох!», «Цурюк», ну и так далее. Понятно, что это эхо войны. Вопрос по этому поводу следующий: как Вы относитесь к той теории, что историческая память стирается через четыре поколения, не больше и не меньше? Второй вопрос. Насколько вероятно то, что мои дети, а потом и внуки будут играть в войну и говорить «Хенде хох!» и «Гитлер капут!»? И третий вопрос. В какой мере крестьяне Смоленщины в 1870 г. знали французский язык из лексикона не бар, а солдатни? Спасибо.

Т.Ш.: На последний вопрос я не смогу ответить компетентно. Здесь нам нужны лингвисты, которые занимаются исторической лингвистикой.

Теперь о том, насколько стирается историческая память за четыре поколения. Этот вопрос исследовался систематически, особенно американскими учеными. И они пришли к выводу, что быстрота, с которой стирается память, связана с драматичностью фактов, хранящихся в этой памяти. Чем драматичнее факты, тем дольше они удерживаются в коллективной памяти, и наоборот [23; 24]. Мне кажется, что принцип четырехпоколенной памяти в большинстве случаев не выдерживает проверки. Память исчезает быстрее, чем в течение четырех поколений, а в крайних случаях она хранится и дольше.

Здесь стоит проблема способности запоминать вещи в их связи с системой символов. Ответ лежит в области анализа символических систем. Если определенные символы выдерживают испытание временем, то память может держаться более четырех поколений. Для примера приведу отношения украинцев и поляков, испытавших взаимную ненависть, «потому что вы нас убивали». То же можно сказать о евреях и украинцах, взаимная вражда которых держалась со времен Хмельницкого, т.е. не четыре поколения, а гораздо дольше.

Вопрос: Поскольку в предыдущем ответе были упомянуты символические структуры, а также прозвучал тезис о важности литературы для поколенческой

дифференциации, я хотел бы знать, насколько это специфично и не лучше ли говорить о том, что поколения формируются не столько общим социальным опытом (социальный опыт должен быть уложен в определенные символические структуры, иначе он непонятен даже тому, кто его пережил), сколько общностью символов? Может быть, поколение — это люди, которые читали одни и те же тексты и воспитаны на одних тех же текстах, а со сменой культурного цикла происходит и поколенческая смена.

Т.Ш.: Несомненно, есть элемент истины в том, что Вы сказали. У меня нет сомнения в том, что, не углубившись в изучение символических структур, нельзя понять, насколько долго коллективная память удерживается, как удерживается, каковы механизмы удержания и как они влияют на действия.

В то же время важно помнить, что в удержании памяти участвует не только символика, но и практика ежедневной жизни. Происходит комбинирование практики повседневной жизни и символики, которая часто выходит на высокий уровень абстракции. Чтение текстов, как и «устная история», помогает определить это.

Вопрос: Вы говорили о том, как отражается в обыденной коммуникации некий неакадемический, естественный поколенческий подход. Интересно, по опыту Вашей научной, коммуникационной, организационной деятельности в России с конца 1980-х гг. насколько вычленение поколений для Вас было рабочим инструментом в Вашей непосредственной деятельности? И что за поколения получились?

Т.Ш.: Начну с того, что я не думал об этом, когда начинал работу в России. Я был занят практическим вопросом переноса определенных форм знания, которые не дошли в свое время в Россию. Я считал, что очень неудачно для страны, что они не дошли, они могут обогатить мышление российских ученых, русской интеллигенции. Отсюда та программа трансформации гуманитарного образования и летние школы социологов МВШСЭН, которыми я руководил в 1980 1990-е гг.

Когда я смотрю назад, у меня не возникает сомнения в том, что к решению начать работу в России, хотя я вначале поддерживал связь с Манчестерским университетом, меня подвигли узы личной дружбы. И эта личная дружба тогда была очень четко завязана на группу людей, которых вы называете шестидесятниками. Думаю, в большой мере те ценности, которые я сам принимал, считал очень важными и пробовал поддержать, — это ценности шестидесятников.

Я подружился с этими людьми в ходе проведения своего исследования русского крестьянства. Чтобы не быть голословным, назову их имена: Татьяна Заславская, возглавившая в то время Социологическую ассоциацию, Виктор Данилов. То, что я делал и продолжаю делать, связано в основном с этим поколенческим единством шестидесятников, если определять это в терминах К. Мангейма. Эти люди мне были и остались близки. И хотя все меньше их остается в живых, сохранилась их модель мышления. Если хотите, это идеализм,

может быть, детский, но чистый, и в этом его красота. В России это оставалось для меня путеводной звездой.

Насчет поколенческой истории как инструмента анализа. Я пытался показать его характеристики и силу в моей книге «Революция как момент истины» [15], которая вышла на русском языке. Коротко на это не ответить...

Вопрос: У меня два вопроса. Первый вопрос *de re*, второй, *de dicto*. Первый вопрос к Вам как к социологу. Все имена, связанные с осмыслением поколенческой истории, которые Вы перечисляли, принадлежат к определенному периоду социальной истории современных обществ. Это массовые индустриальные общества, где целыми поколения людей переживали очень крупные события. Вы постоянно приводите в пример войны, революции и т. д. По-моему, этот период уже закончился. Сейчас никто не переживает чего-либо, сопоставимого по масштабу с последней Мировой войной. Я хочу сказать, что поколенческая схема в социологическом смысле относится к определенному очень локальному периоду, который уже закончился.

Второй вопрос к Вам как к историку. Разве можно объяснить какой-нибудь исторический факт ссылкой на то, что кто-то принадлежит к определенному поколению? Понятно, молодое поколение выбирает «Pepsi», но это же не историческое объяснение.

Т.Ш.: Начну опять с последнего. Я думаю, что не только можно объяснить — нельзя объяснить по-другому. Русскую революцию не объяснить без поколенческого анализа русского общества в этот период.

Реплика: Его недостаточно.

Т.Ш.: Его недостаточно, потому что нет ни одной аналитической схемы, которая была бы сама по себе достаточной в отношении к чему-либо серьезному в истории. Это такая идея советских времен, что все определяется какой-то одной легко выражаемой фразой или базисом, а все остальное — надстройки и эпифеномены. Это никоим образом не вписывается в реальное историческое развитие какой-либо страны или территории.

Это связано с первым вопросом, который вы задали, не кончился ли период великих происшествий. Когда-то из-за великих происшествий поколенческое видение было важным, а теперь это не важно и не интересно — ну, прошло их время. Должен сказать, что по сравнению с публикой, которая здесь сидит, я довольно стар и десятки раз за свою жизнь слышал и о «конце идеологии», и о «конце истории». Каждый раз заявляли: «Все, конец!» Помню, как Фукуяма заявил о конце истории, а спустя несколько месяцев стал определять, куда эта история идет [18; 19].

Я не верю в то, что история когда-либо кончается, и я также не верю, что драма в истории когда-либо кончается. Драматизм истории не случаен, это не просто «так вышло». Есть периоды, когда жизнь поспокойнее, есть периоды, когда она более драматична. С болью сердечной скажу, что я не думаю, что в следующие двадцать лет она станет спокойнее. Драма будет продолжаться. И

без этой драмы нельзя понять, почему люди глубоко отличаются в своей реакции от людей, которые старше их на двадцать лет или моложе на двадцать лет. Поколения — это не единственная причина. И тот, кто думает, что в этой причине он нашел окончательный ключ, — просто дурак. Но отказываться от поколенческой теории только потому, что она не дает окончательных ответов, значит не понимать, что такое история и чего можно ожидать от хорошего исторического анализа.

Вопрос: Я сюда пришел из уважения к заглавиям Ваших книг: «Late Marx and the Russian Road» [25] и «Великий незнакомец» [14]. Великий незнакомец — это крестьянин, великий. И «Russian Road» у Вас тоже написано с большой буквы. Вы говорили о теориях конца истории. Сейчас многие считают, что русская история приходит к концу, русский путь приходит к концу. А с русским крестьянством уже покончено.

Ваша землячка Тэтчер сказала, что русских должно быть то ли fifty, то ли fifteen — то ли пятьдесят, то ли пятнадцать миллионов, не больше. Близкие вам люди в Америке считают, что Россия должна быть раздроблена. То, что осталось от России, это — не Россия, это обрубок России, и его нужно разрубить еще кусков на пятнадцать или хотя бы на три-четыре-пять, как считает поляк Бжезинский.

Но поскольку речь сегодня шла о поколениях, я на этом останавлиюсь. Мне трудно понять, почему 1905 г. породил таких недовольных. Я плохо знаю историю 1905–1907 гг. В одну группу попали и русские крестьяне, которых, по словам Заславской, в России было 80 % даже в 1924 г., а тогда и все 90, и меньшинства, которые Вы назвали: поляки, евреи и грузины. Они оказались в одной группе и выступили совместно против царской власти. Вероятно, в какой-то мере оно так и было, какая-то связь здесь прослеживается. Дети тех восстали против этих уже через десять-двенадцать лет. Но если дальше посмотреть, то спустя каких-то еще семь-восемь лет начались восстания, серьезные восстания, очень трагичные. Скажем восстание Антонова. Это были восстания уже не против царской власти. Приходит еще одно поколение, и наступает коллективизация, которая тоже приводит к крупным восстаниям. Потом сменяется еще пара поколений, и сегодняшние крестьяне продают то, что было святым для них, землю продают. Тогда считалось, что землю продавать невозможно. А теперь как-то так устроено, может быть, Заславской...

Мне немного странно, что Вы симпатизируете Заславской, в то время как тогда были и писатели-деревенщики, например, Федор Абрамов. А Заславская — автор теории уничтожения бесперспективных русских деревень.

Мы пришли к тому, что сегодня крестьяне, даже не получив в натуре эти выделенные три гектара, а имея только свидетельства на них, продают их за бесценок, а потом эта земля за большие деньги перепродается. Получается страшная вещь, что нынешнее поколение крестьян продает мать родную, потому что для их предков земля всегда была Матушкой-кормилицей.

Т.Ш.: Вы много сказали, и поэтому я на все ответить не смогу. Отмечу, что если Вы возьмете мою книгу «Революция как момент истины», то найдете там 400 страниц анализа и фактов. Представить все это сейчас я бы не смог, даже если бы захотел.

Мне странно, что Вы меня мешаете с Бжезинским. Бжезинский хотел бы расколоть Россию на маленькие слабые политические структуры и этим исчерпать проблему России, которая не дает Европе спокойно жить. Я — враг Бжезинского уже много лет, и всеми силами противостояю его взглядам. Для меня эти взгляды неправильны не потому, что они обидны для русских, а потому они ложны. Ученый — это странная профессия: мы занимаемся правдой. Ложное мировоззрение Бжезинского определяет мое отношение к этому человеку. И вообразить, что я бы здесь создавал и десять лет вел постдипломный университет, чтобы продвинуть вперед понимание общественных наук русскими студентами, потому что мне хочется разделить Россию на маленькие кусочки... Это до того абсурдно, что не стоит отвечать. Я думаю, что моя биография ответит за меня. (*Аплодисменты в зале*)

Я не случайно назвал русское крестьянство великим незнакомцем. Думаю, что русские недостаточно знают свое крестьянство, и поэтому посвятил много времени объяснению того, что такое крестьянство, как развивалось русское крестьянство. Конечно же, я работал с группой блестящих русских ученых, таких, например, как Виктор Данилов, и мог бы назвать многих других.

Хочу добавить, что следует все же оперировать фактами. Я знаю материалы Т. Заславской. То, что она поддерживала какую-то теорию ненужных деревень, — просто неправда. Это элемент пропаганды, которая на определенном этапе велась против многих шестидесятников. Ф. Абрамов первым признал бы это.

Я хочу напомнить всем: первым человеком в этой стране, кто сказал, что сельское хозяйство России начало приходить в упадок и это будет продолжаться, если не принять меры, при чем сказал это в 1982 г., когда другие кричали «Ура!», и тяжело пострадал за это, была Т. Заславская.

Еще я хочу сказать о продаже земли следующими поколениями. Думаю, что в истории сельского хозяйства Англии, которое (для тех, кто не знает) и теперь в Европе одно из самых эффективных по производительности, были периоды, когда землей в основном владели не фермеры, а лендлорды, и периоды, когда земля принадлежала фермерам. Если сравнить производительность сельского хозяйства, которое определяет качество жизни населения, когда английские фермеры землей владели и когда они ее арендовали, то увидим, что Англия была ведущей по производительности в обоих случаях. Где же разница? Я думаю, что частное владение землей не обязательно для эффективного существования крестьянства. Но когда вместо крестьян на земле появляются люди, которые строят дачи, это и есть тот исторический момент, который может стать концом крестьянского сельского хозяйства. Я не против частной соб-

твенности на землю, но не думаю, что это решающий фактор. В этом я близок А.В. Чайнову.

Вопрос: Я хотел спросить Вас как специалиста по крестьянам. На Ваш взгляд, есть ли перспективы у русского крестьянства как уникального исторического феномена? Будет ли оно сохраняться именно как русское крестьянство, а не как сельскохозяйственное население Российской Федерации?

Т.Ш.: Думаю, это будет зависеть от определенного элемента в развитии сельского населения. Должен сказать, что в данную минуту я довольно пессимистичен, основываясь на практике последних лет. Но я отвечу с аналитической точки зрения.

Крестьянство может удержаться. Русское и нерусское. (В России есть много нерусских крестьян. Они чаще всего действуют и живут, как русские крестьяне.) Полагаю, что это будет возможно, если удастся вернуть к жизни чайновские планы кооперации или создать их функциональный эквивалент на муниципальном уровне. Отдельным крестьянам не удержаться под нажимом существующей экономики, но они смогут выжить, если им удастся создать сильные кооперативные структуры. Кооперативные не в смысле колхозов, конечно, потому что колхозы никогда кооперативами не были. Я имею в виду кооперативы, о которых писал А.В. Чайнов [13] и крестьяне его поколения. В некоторых регионах Северо-Западной Европы схожие функции выполняет частично государственная или муниципальная служба развития (extension service). Это форма защиты крестьянских производителей от паразитических структур в вопросах кредита, покупки и продажи, выведения новых культур и т.д.

От того, как удастся развить эти формы, зависит судьба крестьянства. В противном случае произойдет его распыление, мы придем к созданию полулатифундий, как это уже имеет место в ряде районов России. (На этих латифундиях работают наемные рабочие, часто иммигранты, а все больше полей зарастает бурьяном.) Десять лет тому назад я бы ответил куда более оптимистично. Тогда мне казалось, что понимание важности «человеческих» форм развития существует в руководящих органах и у местных властей и нужные меры будут приняты.

Вопрос: А каковы причины равнодушия властей к крестьянской проблеме?

Т.Ш.: Слабость крестьян. Это урок, который получило русское крестьянство за свою слабость в политической сфере. Их научили, как в этом, так и в прошлом поколении, до какой степени они не способны справиться с нажимом сверху. А когда люди не могут реально справиться с нажимом, то чаще всего идея коллективной самозащиты исчезает. Они переходят к защите самих себя и своих семейств.

Должен сказать, что английскому и скандинавскому крестьянству (фермерству) не удалось бы удержаться без сильного кооперативного движения. Между прочим, они в своих школах кооперативного движения изучали труды А.В. Чайнова, которого перевели в 1960-е гг. на английский язык.

Вопрос: Вашим российским коллегам — специалистам по сельскому хозяйству — и тем людям во власти, с которыми вы, возможно, встречались, понятна идея кооперативной организации в крестьянской среде? Или там не только политическая проблема, но и проблема с пониманием?

Т.Ш.: Политическая проблема и есть проблема понимания в большой мере. В данном случае я думаю, что неспособность сельской элиты России принять кооперативное движение как способ движения вперед была определена экспериментом с коллективизацией. Коллективизация до того разбила привычки коллективного действия снизу, в такой мере показала его слабости и опасности, что после этого было очень трудно сказать людям: «Это просто была плохая кооперация, вам нужна хорошая кооперация». Поэтому события последних десяти лет породили пессимизм.

Вопрос: Мой вопрос, может быть, будет немного не по теме выступления, но скорее по теме пессимизма-оптимизма. Как Вы оцениваете результаты своей деятельности в сфере образования за эти десять-пятнадцать лет? Какие ощущения у Вас по поводу того, что сейчас происходит в организационной сфере, связанной с образованием?

Т.Ш.: Думаю, что моя работа в сфере образования в России была результативной в том смысле, что Московская высшая школа социальных и экономических наук работает и показала модель постдипломного университетского образования, которая была нова для России. В них интерактивное взаимодействие ученого-преподавателя со студентом куда важнее, куда ценнее, чем это было принято. Студентов реально обучают тому, как учиться, а не фактам. Это другой подход к развитию самостоятельного мышления и способам его выражения. И то, что мы делали, влияет на то, как выпускники подходят к жизни вообще, к познанию, к организации своей профессиональной карьеры и т. д.

Мы — островок в большой стране с крупными образовательными системами и проблемами. И я не тешу себя надеждой на то, что крупные изменения могут произойти из-за работы небольшого постдипломного университета. Но как эксперимент действием это ценно. Мы — ресурс новых идей и методов, а это очень нужно и стране, и педагогической системе, и самим выпускникам. Это особо важно сегодня в сфере гуманитарного образования, которое было много лет в загоне. Я рад, что приложил к этому руку.

Библиографический список

1. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М.: Прогресс, 1992.
2. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Вооруженные силы Юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920. Минск: Харвест, 2002.
3. *Ленин В.И.* Памяти Герцена // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 21. С. 255–262.
4. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994.

5. *Мангейм К.* Консервативная мысль // Диагноз нашего времени. М.: Юристъ, 1994. С. 572–668.
6. *Мангейм К.* Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2(30). С. 7–47.
7. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М.: АСТ, 2002.
8. Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
9. *Тургенев И.С.* Гамлет и Дон-Кихот // Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1980. С. 330–348.
10. *Туркул А.В.* Дроздовцы в огне: Картины Гражданской войны. Л.: Ин-грия, 1991.
11. *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997.
12. *Хобсбаум Э.* Век крайностей: Короткий XX век (1914–1991). М.: Независимая Газета, 2004.
13. *Чаянов А.В.* Краткий курс кооперации. М.: Книжная палата, 1989.
14. *Шанин Т.* Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992.
15. *Шанин Т.* Революция как момент истины: Россия 1905–1907 – 1917–1922 гг. М.: Весь мир, 1997.
16. *Dilthey W.* Ueber das Studium der Geschichte der Wissenschaften vom Menschen, der Gesellschaft und dem Staat // Dilthey W. Gesammelte Schriften. Bd. 5–6: Die geistige Welt. Leipzig; Berlin: Teubner, 1924. S. 36–41.
17. *Eisenstadt S.* From Generation to Generation. N.Y.: Glencoe. 1956.
18. *Fukuyama F.* The End of History // The National Interest. 1989. № 17. Fall. (Фукуяма Ф. Конец истории // Вопросы философии. 1990. № 3)
19. *Fukuyama F.* The End of History, Five Years Later // History and Theory. 1995. Vol. 34. № 2. P. 27–43.
20. *Pinder W.* Kunstgeschichte nach Generationen. Zwischen Philosophie und Kunst. Leipzig: Eduard Pfeiffer, 1926.
21. *Pinder W.* Das Problem der Generation in der Kunstgeschichte Europas. Berlin: Seemann, 1926.
22. *Schuman H., Corning A.D.* Collective Knowledge of Public Events: The Soviet Era from the Great Purge to Glasnost // American Journal of Sociology. 2000. Vol. 105. Jan. P. 913–956.
23. *Schuman H., Scott J.* Generations and Collective Memories // American Sociological Review. 1989. Vol. 54. № 3. P. 359–381.
24. *Schwartz B.* The Social Context of Commemoration: A Study of Collective Memory // Social Forces. 1982. Vol. 61. № 2. P. 374–402.
25. *Shanin T.* Late Marx and the Russian Road. Marx and «the Peripheries of Capitalism». L. etc.: Routledge & Kegan Paul, 1983.
26. *Worsley P.* The Three Worlds: Culture and World Development, L.: Weidenfeld and Nicolson, 1984.